



ЮРИЙ  
КУКЛА-  
ЧЕВ

КОЛЫМ







ЮРИИ  
КУКЛАЧЁВ

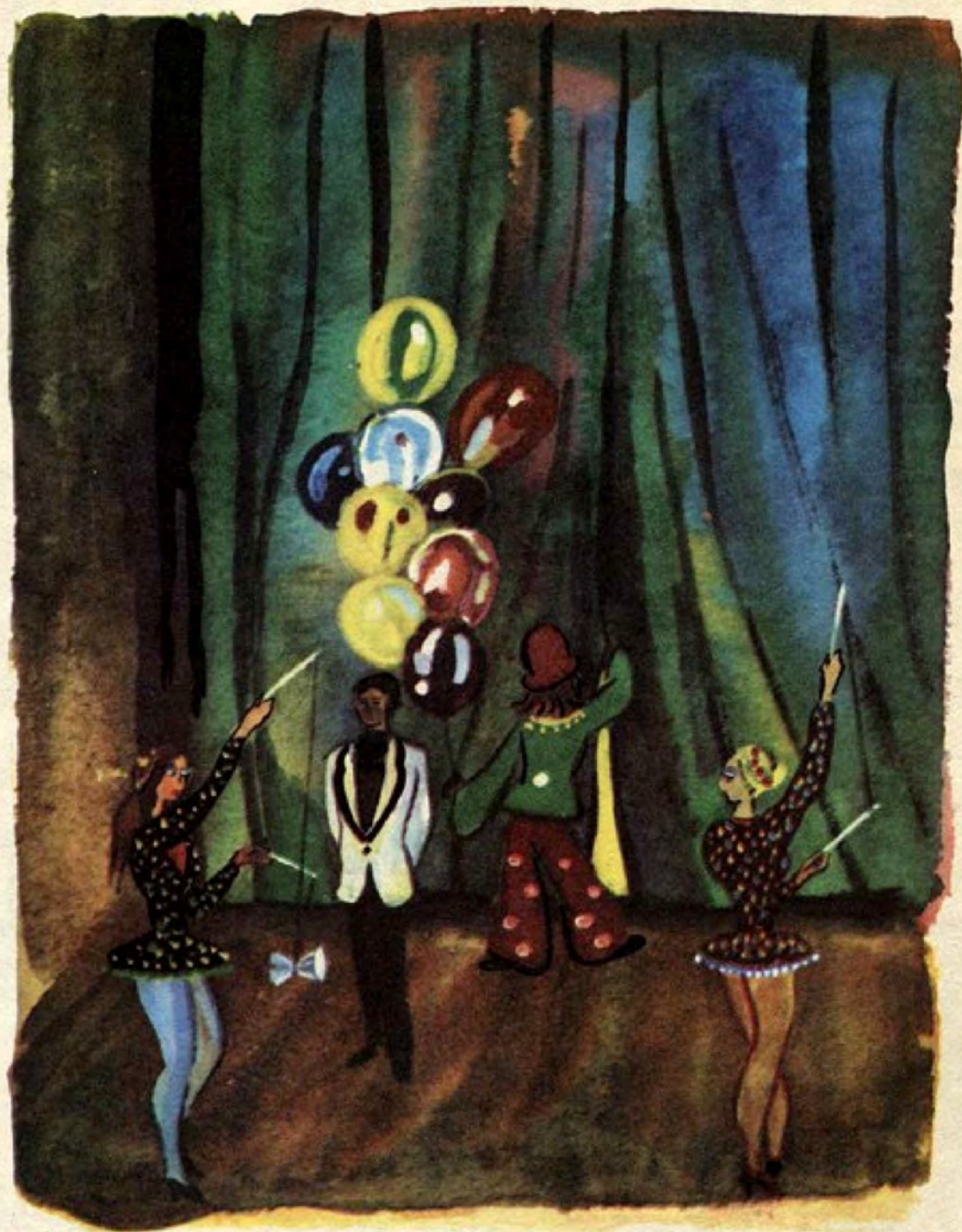


«Детская  
литература»

Москва  
1981

Мои друзья  
Алики









## КУТЬКА

Я — клоун. А знаете ли вы, как трудно быть настоящим клоуном? Нет, это не тот человек, который покажет пальчик — и все вокруг смеются. Клоун может быть весёлым и грустным, смешным и серьёзным, у него — тысяча лиц. Недаром говорят, что клоун — главное лицо в цирке. Он создаёт настроение зрителей, может заставить рассмеяться или задуматься тех, кто пришёл посмотреть цирковое представление.





Именно таким клоуном мне и хотелось стать. И вот прошли четыре трудных года занятий в цирковом училище, наступил момент, когда я получил первое в жизни назначение. Отныне моим рабочим местом стала арена передвижного цирка шапито, который разъезжал по Украине. Здесь, под брезентовым куполом, звучала весёлая музыка, мчались белые лошади с вплетёнными в гривы ленточками, высоко-высоко над зрителями проделывали свои сложные номера воздушные гимнасты. А я стоял за кулисами и с нетерпением ждал той сладко-тревожной минуты, когда инспектор манежа объявит мой выход.

О, этот особый мир — мир кулис! Зрителям не часто удаётся заглянуть сюда. Но давайте откроем маленькую дверцу с надписью «Посторонним вход воспрещён». И мы увидим, как, готовясь к выходу, ещё не сняв рабочие костюмы, десятки раз повторяют один и тот же трюк жонглёры и акробаты, проверяют сложные меха-





нические сооружения униформисты, конюхи прогуливают лошадей, давая им остыть после аттракциона. Здесь свой, неповторимый запах, свои звуки; здесь можно увидеть фокусника, пьющего обыкновенный чай с бутербродами, или слона, уплетающего душистое сено. Но вот настает момент, и те, кому предстоит выйти в манеж, подходят к занавесу и ждут, когда оркестр заиграет и наступит их время. Время показывать чудеса.

Ждал своей минуты и я. Какое это было счастье — выходить в манеж, прямо пахнувший опилками, по которому скользят солнечные зайчики прожекторов, и чувствовать, что зрители ждут тебя, они рады твоему появлению.

Но вот кончалось представление, гасли яркие огни, расходилась





публика. Я переодевался и шёл бродить по весеннему парку. Как хорошо было здесь, среди деревьев, выпустивших свои первые глянцеви́то-зе́лёные листья, в тишине вечернего города с редкими огоньками фонарей и одинокими прохожими. Я ходил по парку, и в памяти оживали минуты только что прошедшего представления, смех зрителей, а в ушах несмолкаемо звенела бравурная музыка.

Однажды, гуляя вечером по парку, я услышал, как в кустах кто-то слабо попискивает. Подошёл поближе. Маленький серый комочек со слипшейся шёрсткой, увидев меня, испуганно забился под ветки. Он жалобно пищал, будто просил о помощи.

— Откуда же ты взялся здесь? — спросил я, нагнувшись к котёнку; он снова слабо пискнул и посмотрел на меня зеленовато мерцающими глазами. — Ну-ка, иди сюда!



Котёнок целиком уместился на моей ладони. Шёрстка его дрожала. Как он попал сюда, в этот парк? Может быть, его оставила кошка-мама или бросили люди? Во всяком случае, нужно было что-то предпринимать — ведь беззащитное животное могло легко погибнуть. И я решил взять его с собой.

Очутившись у меня за пазухой, котёнок скоро согрелся и перестал дрожать. Потом он забился под мышку и присосался к рубашке.

Дома я налил ему большую миску молока. Котёнок подошёл к ней и, погрузив в неё мордочку, начал быстро-быстро лакать своим маленьким розовым языком. Насытившись, он стал внимательно обнюхивать предметы, стоящие в комнате. Забрался под тумбочку для телевизора, поглядел на своё отражение в большом зеркале, стоящем на полу, по-пластунски протиснулся под шкаф. Потом сел посредине комнаты и громко мяукнул.

— Ты что? — спросил я.

Но котёнок мяукал всё громче и громче.

В комнату заглянула соседка, Валентина Фёдоровна. Увидев малыша, она всплеснула руками:

— Ой, какой хорошенький! Ты что это его мучаешь?

— Я не мучаю. Он напился молока, а теперь почему-то кричит.

Валентина Фёдоровна улыбнулась, погладила крикуна и вышла.

А через некоторое время принесла коробку из-под торта, в которой был насыпан песок.

— Эх ты, кошачий папа, — укоризненно сказала она.

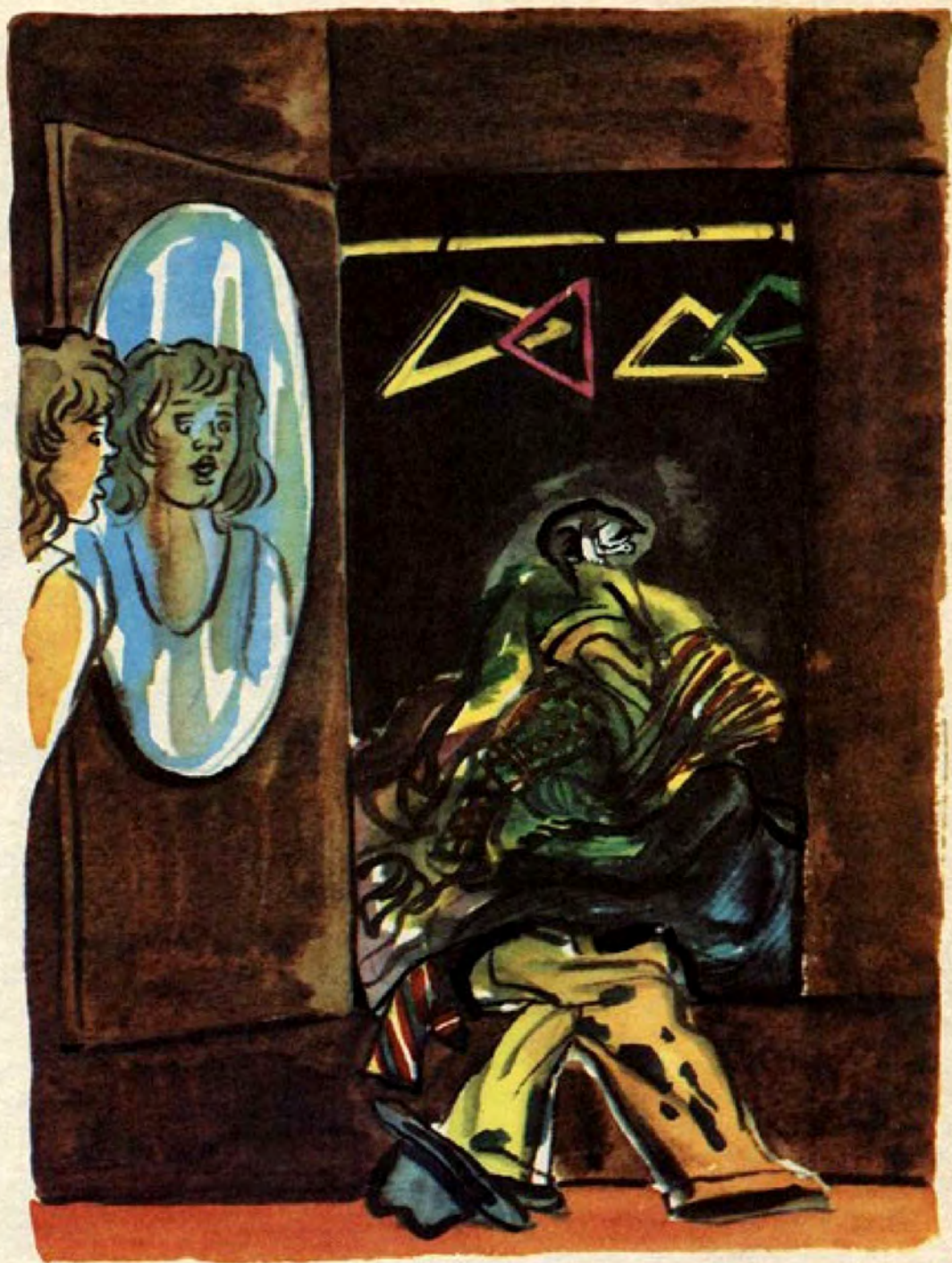
Малыш подобрался к коробке, вырыл в песке ямку и успокоился.

Ночью он вскарабкался на кровать, лёг в ноги и, мурлыкая, заснул. Ощущая рядом с собой крохотное тельце, я чувствовал большую нежность. Но мог ли я знать тогда, сколько огорчений и радости принесёт мне маленький котёнок, которого я назвал Кутька.

В детстве у нас дома не было









кошек. Но я хорошо помню, какой кот был у бабушки в деревне. Больше всех любил он деда, Дмитрия Семёновича. Тот принёс его домой совсем крохотным, отняв у ребят, которые хотели его утопить. С тех пор Рыжик всегда ходил следом за дедом. Но особенно любил играть с ним. Бывало, выбежит дед на крыльцо и держит дверь. А Рыжик — прыг в окно, пролезет через курятник в сад, и не успеет Дмитрий Семёнович опомниться, как кот уже скребётся о его сапог.

Когда Рыжик подрос, он стал грозой всей деревни. Не раз кот получал от деда трёпку за разбойничьи набеги на курятники и чужие погреба, но всегда сносил её молча и терпеливо, словно чувствовал свою вину.

Меня Рыжик не любил. Когда я приезжал с родителями в деревню, он всегда невозмутимо лежал на стуле около печки и не обращал на нас никакого внимания. Всё его тело было неподвижно, и только одно ухо, словно локатор, поворачивалось в нашу сторону и маленький волосок на самом кончике его нервно подрагивал. «А ну-ка, лентяй, уступи место гостям», — говорила бабушка, сгоняя кота со стула. И тогда Рыжик, лениво потягиваясь, нехотя спрыгивал с насиженного места и, брезгливо отвернувшись от непрошенных гостей, уходил в другую комнату.

Прожил кот в избе двадцать шесть лет. Но вот умер дедушка. Бабушка рассказывала, что, когда его похоронили, Рыжика словно подменили. Он никого к себе не подпускал, ничего не ел. А через несколько дней и вообще пропал. Больше его в деревне никто не видел.

Сейчас, засыпая, я вспомнил о Рыжике и подумал о том, привяжется ли так ко мне мой маленький найдёныш.

Утром я собрался идти в цирк. Подошёл к шкафу, чтобы одеться, раскрыл створку и ахнул. Что здесь творилось! Из пиджака во все стороны торчали нитки, рубашка была располосована в клочья, на дне шкафа лежали остатки авторучки, выпавшей из кармана, а чернила оказались на моих светлых брюках. Всё, что висело на вешалках, было свалено в кучу, а на ней... сидел Кутька и умывал лапкой мордочку.

Что тут было делать? Наказать котёнка? Но он ведь ещё маленький и плохо понимает, что можно делать, а что нельзя. Выдворив его из шкафа, я, вместо наказания, решил запереть его в тумбочке. Пусть-ка посидит в темноте. Кутька, очутившись там, сначала помяукал, а потом замолчал. Когда я через несколько часов





вернулся с речетиции и открыл дверцу, он мирно спал в своей «темнице». Вот так наказание!

А на следующий день он натворил бед ещё больше. Когда утром моя соседка вышла на кухню, глазам её предстало страшное зрелище. На полу была рассыпана мука, перевёрнутые кастрюли оказались в самом неподходящем месте, и вдобавок ко всему Кутька умудрился разбить банку с вареньем и весь в нём перепачкался. Еле я его отмыл. А разгневанная соседка потребовала, чтобы я немедленно убрал кота из квартиры.

Но куда мне было его деть? Не выбрасывать же на улицу. К тому же, честно говоря, очень он мне нравился, мой новый друг, даже несмотря на все свои проказы. И я решил поселить Кутьку у себя в гримёрной.

И началась наша совместная жизнь в цирке. Кутьке очень нравилось смотреть, как я наношу грим, надеваю яркий костюм. Но вот однажды, когда я примерял ярко-рыжий парик и повернулся к котёнку, он выгнулся дугой и зашипел.

— Не узнал! — засмеялся я и снял парик.



Кутька был явно растерян. Он подошёл ко мне, вспрыгнул на столик, обнюхал парик, а потом доверчиво потёрся об него. Спустя несколько минут котёнок уже теребил парик своими острыми коготками. Когда же вечером я уходил из гримёрной, Кутька мирно спал, устроившись в парике. С тех пор это стало его любимым местом.

Но особенно любил Кутька играть со мною в мячик. Однажды я заметил, что в погоне за ним котёнок высоко подпрыгивает, делает сальто-мортале, переделяет со стула на стул. «А что, если применить его природные способности в цирке?» — подумал я тогда впервые.

Эта мысль и перевернула всю нашу жизнь. Начались репетиции. Обычно они проходили по ночам, так как я заметил, что именно в это время Кутька был особенно восприимчив, как, впрочем, и все кошки. Учил я Кутьку ходить между ног, подбегать ко мне по команде, вставать на передние лапы. Сколько сил, сколько времени потребовалось, пока у нас начало кое-что получаться! И тут произошёл досадный срыв...

За нашими репетициями наблюдал сторож цирка дядя Кузя. И вот как-то, когда Кутька особенно удачно проделал все номера, дядя Кузя захлопал в ладоши, аплодируя четвероногому артисту. И тут-то Кутька, привыкший к тишине и спокойному полумраку, так испугался первых в своей жизни аплодисментов, что задал





стрекача и пропал в темноте. Сколько я его ни звал, сколько ни искал — Кутька исчез. И только утром, весь в пыли и краске, он появился в гримёрной.

— Вот так премьера, — сказал я ему. — Такой талантливый артист, а испугался аплодисментов.

Как бы там ни было, а с тех пор Кутька словно забыл, чему я его учил. Но как жалко было сдаваться! Ведь в буквальном смысле слова «коту под хвост» были отданы шесть месяцев работы.

«Ну нет, не так-то нас легко скушать, — сказал я самому себе. — Нужно преодолеть и эту трудность».

Мне вспомнилось то время, когда я поступал в цирковое училище. Так получилось, что на экзамены я пришёл... на костылях. Накануне, купаясь в реке, наступил на разбитую стеклянную банку, которую кто-то бросил в воду. Очевидно, я задел какой-то важный сосуд, потому что кровь хлынула ручьём. Врач, извлёкший из ступни осколок, говорил: с мечтой о цирке придётся расстаться. Ведь порез был настолько сильный, что могла навсегда остаться хромота. Убеждали меня и члены приёмной комиссии. Но как было забыть о том деле, которое стало мечтой всей моей жизни. Я напомнил членам приёмной комиссии о знаменитом акробате Льве Осинском, выступавшем на манеже без одной руки, о цирковом мастере Сандро Дадеше, чьи выступления поражали не только врачей, но и знатоков цирка. Он великолепно рисовал, стрелял из ружья, наливал в стакан воду, зажигал спички... и всё это проделывал одними ногами, так как родился без рук... Долго сомневались члены комиссии. И всё-таки я стал студентом.

Начались дни занятий. Нога по-прежнему болела. А ведь приходилось выполнять десятки различных упражнений, в которых нагрузка падала именно на ноги. Целый год я тренировался, проделывал специальную гимнастику. Иногда боль становилась оглушающей, и я, спрятавшись от всех, тихонько стонал, сжав зубы. Порой хотелось всё бросить, но я старался взять себя в руки. «Главное, не поддаваться отчаянию, — говорил я себе, — тогда всё можно преодолеть». И в конце концов болезнь отступила.

Для меня всегда была девизом мудрая пословица: «Тот, кто хочет что-нибудь сделать, находит способ, а кто не хочет — ищет причину». И теперь, думая над тем, что же произошло с Кутькой, я решил не отступать.

Прежде всего нужно было приучить Кутьку к свету, музыке, аплодисментам. Я начал с того, что включал в комнате, где нахо-



дился кот, магнитофон, часто хлопал в ладоши. А затем смастерил миниатюрный домик. Туда я сажал Кутьку и во время представления относил в оркестр. Дирижёр часто подшучивал надо мною. «Слушай, твой кот очень музыкальный, — говорил он. — Кричит как раз в той тональности, в которой мы играем».

Со временем Кутька, наверное, понял, что перекричать оркестр ему не удастся. Он стал спокойно переносить даже барабанную дробь, от которой у него ещё недавно дыбом становилась шерсть.

Затем настало время приучать Кутьку к манежу. Я часто выходил к кулисам во время представления и, держа его на поводке, словно собачку, показывал зрительный зал. В первые дни Кутька при взрыве аплодисментов зрителей пытался убежать, но вскоре привык и к ним.







Шли дни, месяцы. Постепенно кот понял, что яркий свет, весёлая музыка, громкие аплодисменты не грозят ему никакой бедой. К тому же каждый раз, когда он спокойно слушал музыку или аплодисменты, наградой ему становился лакомый кусочек. И вот настал день, когда Кутька впервые должен был появиться на манеже.

Это было детское представление, и к нему мы готовились особенно тщательно. Кутьке предстояла несложная работа: я выходил, держа в руках большую конфету, и мой партнёр спрашивал: «Юра, что это за конфета?» Я просил, чтобы он угадал. Партнёр называл несколько сортов, но я отвечал ему: «Ты угадал неправильно. Это конфета — ирис «Кис-кис». С этими словами я открывал верхнюю крышку «конфеты», и из неё выпрыгивал спрятанный там Кутька.

В день представления перед выходом на манеж я, как мог, старался убажить своего четвероногого друга. Наконец мы вышли. Кутька, притихший, сидел в «конфете». Но вот я произнёс положенные слова, открыл крышку и... Кутька как ни в чём не бывало мирно спал в коробке, свернувшись калачиком.

Пришлось вытряхнуть его. Он прошёлся по манежу, не обращая внимания на аплодисменты, а затем, выгнув хвост трубой, вдруг легко перепрыгнул через барьер



и побежал в зрительный зал. Я кинулся за ним. Сколько было смеху, пока я ловил кота между рядов! Кутька прятался под кресла, бегал по ступенькам, и вместе со мной его ловили все ребята. Наконец беглец был пойман, и я под громовые аплодисменты ушёл за кулисы.

Я не мог сердиться на Кутьку. Пусть он сделал всё не так, как было задумано. Но ведь кот очень понравился маленьким зрителям. И это было самое главное.

А потом потянулись наши цирковые будни. Постепенно Кутька привык появляться в манеже и уже не убегал с него. Он легко проделывал все трюки, и вскоре в городе, где мы выступали, о нём пошла слава. Пришла посмотреть на дрессированного кота и моя домашняя соседка. После представления она сказала:

— До чего же Кутька молодец! Может быть, Юра, он вернётся домой? Пусть теперь что хочет, то и делает.

Но мы с Кутькой не согласились. Он продолжал жить в гри-мёрной и каждый день выступал перед зрителями. А я, окрылённый успехом своего партнёра, старался всё больше и больше усложнять его трюки. Вскоре нас пригласили выступить в Москве. Вот тут-то и появилась...

## СТРЕЛКА

Как-то после представления я зашёл в комнату отдыха и застал там плачущую семилетнюю Танечку — дочку наших артистов. Забившись в уголок, она всхлипывала, размазывая по щекам слёзы.

— Это что за рёва-корова? — спросил я. — Что за слёзы в солнечный день?

— Стре-е-лку жалко! — плача, ответила Таня.

— Какую такую Стрелку?

— Кошку нашу. Мы на гастроли за границу едем, а Стрелку мама брать не разрешает. И оставить её не с кем.

— Ну, этому горю мы поможем, — сказал я, а сам подумал:

«Пусть Танина кошка составит компанию Кутьке. А вдруг и из неё выйдет артистка!»

— Вот что, Танюша, хочешь, чтобы Стрелка выступала на манеже?

Девочка перестала плакать и посмотрела на меня:

— Ой, правда, дядя Юра? Как Кутька ваш?



— Конечно. Неси-ка её сюда. Пусть у меня остаётся, будем её воспитывать.

Так Стрелка стала ещё одной жительницей моей гримёрной. Это была очаровательная кошка безукоризненно белой расцветки. Шерсть её была настолько пушиста и обильна, что из неё торчал только маленький носик розового цвета да светились сероватые с голубовато-зелёным отливом глаза.

Увидев Кутьку, кошка тут же бросилась с ним играть. Кутька, как и подобает солидному коту, ставшему известным артистом, сначала ошарашенно замер, а потом спокойно отвернулся и пошёл на своё место. Но Стрелка не отставала. И тогда Кутька, резко повернувшись, ударил её лапой с выпущенными когтями. Кошка жалобно замыкала и полезла под кресло.

— Эй, друг, так нельзя, — сказал я Кутьке. — Ведь она же слабее тебя, а ты её обижаешь.

Очевидно, Кутька почувствовал в моём тоне недовольство. И — обиделся. Его, кота, отдавшего всё своё умение и привязанность хозяину, смеют попрекать какой-то неизвестно откуда взявшейся незнакомкой! Он отвернулся от меня, прыгнул на своё место и лёг там, положив голову на лапы.

Так в наших отношениях появилась первая трещинка. Я видел, что Кутька старается делать вид, будто не замечает Стрелку, но в то же время насторожённо следит за каждым её движением. Когда кошка подходила к его любимым игрушкам, тело Кутьки напрягалось, и я ждал, что он вот-вот бросится на кошку. Но, взглянув на меня, Кутька снова принимал безмятежный вид. А когда я налил Стрелке молока в его миску, кот совсем обиделся и забился под диван.

На следующий день Кутька был вял и подавлен. Глаза его светились какой-то невыразимой печалью.

— Кутька, ты что, обиделся? — спросил я. — Нельзя же так. Это твоя подруга, она будет жить с нами.

Но кот как будто меня и не слышал. В этот день его миска с едой осталась полной — он так ничего и не съел.

Так продолжалось с неделю. Кутька похудел, да и на манере стал вести себя по-другому: пропала его бывшая игривость и непринуждённость. Я решил показать своего питомца ветеринарному врачу.

— У Кутьки всё в порядке, — сказал доктор, осмотрев кота. — Пусть ест побольше.



Но ел Кутька по-прежнему мало. Проглотит кусочек мяса и отходит в сторону. Или забьётся под диван и лежит там часами.

И вот настал день, который я не забуду никогда. На детском представлении я решил показать свою репризу с «конфетой». До выхода оставалось несколько минут, и я, как обычно, захватив «конфету», пришёл в гримёрную, чтобы взять Кутьку.

— Кутька! — позвал я, думая, что он, как всегда в последнее время, лежит под диваном. — Кутька!

Но кот не отзывался.

Я обшарил всю комнату, заглянул под шкаф, под стол — его нигде не было. И вдруг я увидел открытую форточку. Гримёрная моя находилась на первом этаже, и уборщице было строго-настрого наказано: не открывать форточку, пока здесь кот. И вот, то ли по забывчивости, то ли ещё по какой причине она оставила форточку открытой.

Неужели Кутька вылез в окно? Первым побуждением было бежать его искать. Но уже прозвенел звонок, до выхода оставались считанные секунды. Что же делать, ведь сорвётся номер, который ждут сотни маленьких зрителей! И тут мой взгляд упал на Стрелку, безмятежно лежащую в своём углу. Думая «будь что будет», я схватил её, засунул в «конфету» и помчался к выходу.

И вот я снова в манеже. Произношу положенные слова, а сам волнуясь: как поведёт себя Стрелка? Ведь она ещё ни разу не появлялась перед зрителями. Да и мысль о Кутьке не даёт покоя.

Наступил решающий миг — я распахнул крышку «конфеты» и вытряхнул кошку. Она мягко упала на арену, встала на лапы... Наверное, в первый момент гул зала, свет прожекторов, музыка оглушили её. Она вдруг присела и прыгнула мне на грудь, вцепившись острыми коготками в костюм. Жалобно мяукая, Стрелка пыталась спрятать мордочку у меня под мышкой. От неожиданности я сбросил её. Но не тут-то было: кошка снова прыгнула на меня.

Зал взорвался аплодисментами, приняв, наверное, естественное поведение животного, стремящегося найти защиту у своего хозяина, за новый трюк. Я поклонился и, прижав кошку к себе, попятился за кулисы.

«Уф, кажется, всё хорошо кончилось», — подумал я и погладил Стрелку.

— Ну вот, поздравляю тебя с дебютом.





И тут меня снова резанула мысль о Кутьке: где он, что с ним? До поздней ночи я обшаривал цирк, бродил по улицам и звал своего друга. Но всё было напрасно — он не откликнулся. Не появился Кутька и на следующий день.

Прошёл месяц. Кутька исчез. Я переживал отчаянно. Всё валилось из рук, не хотелось работать, настроение было под стать самой дождливой осени. Я решил раз и навсегда расстаться с мыслью о дрессировке кошек. Друзья утешали: «Стоит ли так расстраиваться из-за какого-то кота, найдёшь себе другого». Но для меня Кутька не был обычным котом: это был друг, с которым мы вместе делили и горечь разочарования и первые успехи. Признаюсь честно, что в то время я и на Стрелку поглядывал с некоторой неприязнью: ведь Кутька, скорее всего, убежал именно из-за неё, потому что не хотел ни с кем делить привязанность своего хозяина.

Где мой любимец, что с ним? От этих вопросов у меня и сегодня



болит сердце. Утешает одна мысль: а вдруг он не стал бродячим, вдруг нашёл приют у какой-нибудь доброй девочки или мальчика, и там ему хорошо.

Наступила зима. Я уехал из Москвы. Артисты цирка — народ кочевой, и для меня потянулись дни гастролей. Снова выступал на Украине, затем отправился в Сибирь, а оттуда в Среднюю Азию. Стрелка была со мною. Но, несмотря на обещание, данное её маленькой хозяйке, я не пытался дрессировать кошку. Просто не мог после Кутьки.

Наверное, я так бы никогда и не стал «кошачьим» клоуном, если бы однажды...

Вечером после представления я, как всегда, пришёл домой и позвал Стрелку, чтобы попоить её молоком. Она не отозвалась. «Спит, наверное, где-нибудь», — подумал я и пошёл на кухню вскипятить чаю. Представьте себе моё удивление, когда в большой кастрюле, стоявшей рядом с чайником, я увидел мирно дремавшую Стрелку.

— Этого ещё не хватало, — сказал я и вытряхнул кошку из её необычной постели. — Ишь, нашла себе место...

Стрелка, оказавшись на полу, досадливо потянулась и вдруг, вспрыгнув на стол, снова забралась в кастрюлю и легла на нагретое местечко, оставив торчать только кончик пушистого хвоста.

— Ты что это выдумала! — разозлился я. — А ну убирайся отсюда! — И снова вытряхнул кошку. А она, негодница, в третий раз забралась в кастрюлю.

Я рассмеялся: ну и упрямца, прямо как в знаменитой басне Крылова «Кот и повар». И вдруг меня осенило: ведь то, что сейчас проделала Стрелка, можно показать в цирке. Так кошка сама толкнула меня на идею новой репризы «Кот и повар».

Забыв про всё, я занимался с ней днём и ночью. Стрелка оказалась очень понятливой: она легко шла на трюк, хорошо запоминала команды. Я старался усложнить номер: вспомнив, как Стрелка прыгала на меня во время своего первого выступления, я ввёл в репризу и этот трюк.

Работа наша заняла год. И вот настал день, когда я решил впервые показать репризу «Кот и повар» зрителям. Стрелка была совершенно спокойна, а я волновался необычайно: ведь прошло уже очень много времени с тех пор, как я в последний раз выходил на манеж с кошкой.

Но всё оказалось в порядке. Стрелка ни разу не сбилась, выпол-







няла все трюки чётко и уверенно. И реприза, как говорится в цирке, пошла!

Спустя год после начала наших выступлений со Стрелкой меня вызвали в Союзгосцирк. Вышел я оттуда окрылённый: нас ждала первая гастрольная поездка за рубеж. Стрелке предстояло показать своё искусство на далёком и близком для всех нас острове Куба.

До нашего отъезда оставалось около двух месяцев. Всё это время мы работали особенно много: ведь предстояло выступать перед зрителями другой страны и ещё неизвестно было, как они воспримут Стрелку и её трюки.

С каждым днём работа Стрелки в манеже нравилась мне всё больше. Кошка понимала меня с полуслова, чувствовала сигналы, которые я подавал ей рукой или движением корпуса. Но порой на неё находило, и она переставала быть покорной моей воле. В эти минуты Стрелка как будто вспоминала, что является дальней родственницей тигра и пантеры, и тогда демонстрировала далеко не лучшие черты своего характера: могла выгнуть спину и угрожающе зашипеть или довольно чувствительно оцарапать. К счастью, такие «сцены» были не столь часты, и в целом мы жили достаточно мирно.

Иногда, когда Стрелка особенно хорошо работала, я брал её домой или на прогулки в лес. Вот где было для неё приволье! Она с наслаждением гонялась за бабочками, кувыркалась в мягкой траве, теребила листву. Но проходили часы отдыха, мы снова возвращались в цирк, и снова начиналась работа в манеже или репетиции.





## НОВЫЙ КОМПАНЬОН

До поездки на Кубу оставалось совсем немного времени, как вдруг произошло событие, после которого наша компания увеличилась. Однажды вечером, возвращаясь к себе в гостиницу, я увидел около её входа знакомого мне директора театра, артисты которого также приехали в этот город на гастроли. Он устало сидел на лавочке, прижимая к себе маленького пушистого щенка.

— Что это вы здесь? — спросил я.

— Ох, Юра, лучше не спрашивай, — тяжело вздыхая, ответил он. — Попал в глупейшую историю.

— А что случилось?

— Понимаешь, сегодня вечером мы показывали спектакль, где по ходу действия должна была появиться актриса с живой собачкой. Ну, собачки у нас не было, и днём я отправился на рынок, где и приобрёл вот это существо. Спектакль прошёл, а щенка отдали мне. И теперь вот нас с ним не пускают в гостиницу — говорят, что с собаками запрещено.





Смешно было видеть пожилого, достаточно толстого мужчину, сидевшего перед дверью гостиницы с крошечной собачкой на коленях. Однако надо было как-то помочь, ведь уже был глубокий вечер.

— Вот что, — сказал я. — Давайте-ка её сюда. Отнесу щенка в цирк, оставлю у сторожа. А завтра что-нибудь придумаем.

Но на следующий день мы так и не смогли решить, что же делать с собачонкой. Искали, кому можно было бы её отдать, даже объявление повесили. Но желающих почему-то не находилось. Директор театра умолял меня оставить щенка у себя. Я долго отказывался и всё-таки поддался на его уговоры.

Опасаясь, как встретит нашего нежданного компаньона Стрелка, я принёс его в гримёрную. В первые минуты кошка, завидев незнакомца, прыгнула на стол, выгнула спину дугой и зашипела, как змея. Щенок испугался, забился под стул, где тут же наделал большую лужу. А Стрелка, словно почувствовав свою победу, уверенно прошла перед его носом и вскоре, занятая своими делами, уже не обращала на собаку никакого внимания.

Так он и прижился у нас, белоснежный щенок с густой спутанной шерстью, который оказался мальтийской болонкой. Я долго думал, как же назвать его. Перебирал всевозможные имена, но ни одно не нравилось. Помог сам щенок. Вечером я принёс в гримёрную полкило паштета, чтобы угостить Стрелку за хорошую работу. Положил паштет в её миску, а сам занялся своими делами. Вдруг слышу позади себя какой-то шум и возню. Оказывается, щенок умудрился утащить миску с паштетом под шкаф, а Стрелка пытается достать её лапой. Мяукает, шипит, да только никак не может пролезть в щель.

— Ах ты негодник! — возмутился я и сунул руку под шкаф. — Утащил у заслуженной кошки её лакомство. А ну отдавай сейчас же!

Но, к сожалению, миска была уже пуста. Щенок успел проглотить её содержимое буквально в считанные минуты.

— Ну раз так, то и назовём тебя Паштетом, — решил я.

Кличка прижилась. Щенок охотно откликался на неё и каждый раз бежал ко мне. Наверное, глупышка надеялся, что ему опять дадут паштета.

Если кое-какой опыт общения с кошками у меня уже был, то с собаками, увы, никакого. Были, конечно, собаки и у нас в цирке, и у некоторых моих знакомых, но одно дело наблюдать





за ними со стороны, а другое — воспитывать собственного питомца. Пришлось преодолевать и эту трудность.

К счастью, дрессировать собаку оказалось намного легче, чем кошку. Стоило показать Паштету кусочек сахара, как он моментально вставал на задние лапки и так ходил за мною по всей комнате.

Сложнее обстояло дело с кормёжкой. Я не знаю, у кого жил Паштет прежде, однако догадываюсь, что там его сильно баловали. Стрелка привыкла есть всё, она с удовольствием уплетала разные

суши, каши и даже винегрет. Конечно, иногда я давал ей кое-какие лакомства, но, в основном, её пища была довольно проста: в условиях цирка, к сожалению, не до разносолов; главное, чтобы было питательно.

Другое дело — Паштет. В первый же день пребывания у меня я положил ему в миску рисовой каши. Щенок подошёл, понюхал и равнодушно отвернулся.

— Э, нет, дружок, так не пойдёт, — сказал я. — Если ты думаешь, что будешь получать одну курятину, то глубоко ошибаешься.

Каша осталась нетронутой. Вскоре к ней прибавился гороховый суп, от которого Паштет тоже отказался, а вслед за ним и миска с борщом. Прошли день, ночь и ещё день. Паштет голодал. Мне было жалко смотреть на него, но ничего не поделаешь: приходилось выдерживать характер, иначе потом не оберёшься хлопот с избалованной собакой. И что бы вы думали: на третий день, утром, придя в цирк, я увидел, что почти все миски пустые — щенок вылизал их дочи́ста. С тех пор проблем с едой у нас больше не возникало.

Я продолжал заниматься Паштетом, больше для своего удовольствия. О том, чтобы сделать из него артиста, я как-то не думал. Всё решил опять-таки случай.

Однажды, играя со своими питомцами, я попробовал составить из них «паровозик». Поднял на задние лапы Паштета, а за ним



поставил Стрелку. Кошка намертво ухватила за густую шерсть собаки. И в таком положении они прошагали через всю комнату. Так родился новый оригинальный трюк, который я с успехом показываю до сих пор.

Паштет к тому же оказался на редкость талантливым певцом. Стоило только в его присутствии заиграть на пианино или гармошке, как пушистый комочек преображался. Он моментально садился на задние лапы, поднимал свой блестящий, кожаный нос и начинал самозабвенно подпевать инструменту.

Наступил долгожданный день отъезда на Кубу. Чтобы перевезти своих питомцев, я соорудил для них просторный домик, разделённый на две половины: в одной на время перелёта через океан предстояло поселиться Стрелке, в другой — Паштету.

В аэропорт мы приехали за три часа перед вылетом. Пока шло оформление билетов и погрузка на самолёт, Паштет и Стрелка спокойно лежали в своём домике. Но вот взревели двигатели, самолёт начал разбег и через несколько секунд оторвался от земли. Что тут началось! Стенки домика, стоявшего возле моего кресла, стали буквально содрогаться. Залаял Паштет, замыкала Стрелка. На меня начали поглядывать пассажиры. Я чувствовал себя под их взглядами довольно неуютно, ёрзал в кресле и думал только об одном: как успокоить животных? А те ещё пуще разволновались. Скоро мне стало казаться, что всё перемешалось: лаяла Стрелка, мяукал Паштет, домик вот-вот готов был развалиться.

Первым не выдержал мой сосед — пожилой негр в светлом костюме и больших роговых очках.

— Что там так сильно кричит? — спросил он на ломаном русском языке.

— Кошка и собака, — ответил я, беспомощно улыбаясь.

— О, надо их выпускать. Они желают прогулять себя.

— Нельзя, — развёл я руками. — Меня предупредили, что во время полёта они должны быть закрыты.







Возня и шум продолжались. Я чувствовал себя ужасно неудобно: теперь уже весь салон смотрел в мою сторону.

Что же делать? Решившись, я нажал кнопку вызова стюардессы.

— Вы не могли бы разрешить мне выпустить животных? Они, очевидно, плохо переносят полёт взаперти.

Девушка улыбнулась:

— Вообще-то у нас это запрещено. Пойду спрошу командира корабля. Может быть, в порядке исключения...

Вскоре она появилась снова. Вместе с ней ко мне подошёл высокий лётчик с большими полосками нашивок на погонах.

— Так что у вас? — спросил он.

— Да вот, мои артисты разволновались, — сказал я. — Они ещё ни разу в жизни не летали на самолёте, тем более на такое расстояние. Вот и перепугались, кричат...

— А вы кто же будете?

— Клоун. Еду на гастроли.

Командир самолёта посмотрел на меня и широко улыбнулся:



— Клоун? Что ж, весёлая профессия. Надо помочь вашим артистам. Если, конечно, пассажиры не будут возражать. — И, обернувшись к салону, спросил: — Как, товарищи, не возражаете?

— Согласны! — раздалось с мест. — Пусть гуляют. Не возражаем.

А мой сосед добавил:

— Клетка есть плохо. Они желают свободы, они желают видеть небо.

Обрадованный, я открыл дверцу домика. Прямо к ногам командира корабля выкатились два белых взъерошенных клубочка. На мордочках их читалось отчаяние: гул машины, непривычная обстановка — всё вызывало у них страх.

Наверное, всем людям свойственна любовь к животным, а мои питомцы не могли не вызвать улыбку. Пассажиры смеялись, наблюдая, как Стрелка и Паштет недоуменно озирались по сторонам, дрожа обнюхивали кресла, царапали ковровую дорожку салона, не переставая при этом попеременно то мяукать, то лаять.

Я успокаивал их как мог. Помогали мне в этом все, но особенно старался мальчик, сидевший неподалёку. Встав со своего места, он подошёл ко мне и попросил разрешения покормить моих питомцев. Мы познакомились. Его звали Эрнестито, и он вместе со своими родителями, дипломатическими работниками, летел домой на Кубу. Мальчику было лет двенадцать. Смугленький, одетый в форму кубинских пионеров — голубую рубашку и такие же брюки, — он на всём протяжении полёта не отходил от животных ни на шаг. Бегал вместе с ними по салону, поил их молоком, которое принесла заботливая стюардесса.

Животные заметно успокоились и скоро забыли обо всех своих тревогах.

## ГОСТЕПРИИМНЫЕ КУБИНЦЫ

Прошло несколько часов. И вот, наконец, в салоне вспыхнула надпись: «Пристегнуть ремни». Самолёт начал снижаться. Я водворил Стрелку и Паштета на их места, а сам прильнул к иллюминатору. Далеко внизу проступили чёткие очертания земли, окружённой аквамариновой водой с белыми барашками прибоя. Куба!

...Провожали нас все пассажиры самолёта. Когда мы уже сиделись в ожидавшую нас машину, ко мне подбежал Эрнестито:



— Можно, я приду к вам в цирк? — робко спросил он.

— Обязательно приходи. И друзей приводи. Я и Стрелка с Паштетом будем очень рады тебя видеть.

Он помахал нам рукой. Машина тронулась. Позади остался аэропорт Хосе Марти, названный так в честь кубинского национального героя, и через полчаса мы въехали в Гавану. Автомобиль мчался по широким проспектам, вдоль которых выстроились вереницы белых домов, освещённых заходящим солнцем. Наступал вечер, и на улицах было много народа. Люди сидели на террасах открытых кафе, утопающих в зелени, прогуливались по набережной, откуда открывался чудесный вид на море. Но вот машина свернула в переулок и остановилась перед высотным зданием гостиницы, где нам предстояло жить все дни гастролей.

Утром я проснулся от ярких лучей солнца, заливавших комнату. Стрелка и Паштет уже давно проснулись и бегали по номеру, обнюхивая все углы. Я подошёл к окну. Отсюда, с высоты двенадцатого этажа открывалась прекрасная панорама. Невысокие дома перемежались со стеклянно-алюминиевыми небоскрёбами, вдали виднелись горы, покрытые густой зеленью, по улицам и площадям скользили сотни автомашин и автобусов. И над всем этим царствовало море, до которого было рукой подать.

До первой нашей репетиции оставалось ещё несколько часов, и я первым делом решил искупаться, тем более что термометр, укреплённый за окном, показывал двадцать семь градусов тепла. Посадив Стрелку и Паштета в их домик, я вышел с ними на улицу, спустился вниз по переулку и очутился на набережной, ведущей к песчаному пляжу. Удивительно: на пляже не было ни одного человека. Попробовал воду — тёплая. «Наверное, все на работе», — подумал я и, быстро раздевшись, выпустил Стрелку и Паштета.

— А ну, кто купаться?

Стрелка, конечно, осталась на месте, важно развалилась на тёплом песке, а Паштет рванулся за мной. Мы погрузились в воду. О ужас — она оказалась ужасно солёной! Было такое ощущение, будто плаваешь в огуречном рассоле. Я отплёвывался, Паштет фыркал за моей спиной. И всё-таки мы поплыли вдоль берега.

Вдруг я заметил, что на пляже начали собираться люди. Они о чём-то громко разговаривали, оживлённо жестикулируя и показывая на нас пальцами. «Наверное, их привлекла Стрелка, — подумал я. — Ох уж эта популярность!»



Пришлось вылезти на берег. Пока я вытирался, от группы людей отделился молодой парень и, подойдя ко мне, что-то быстро сказал по-испански.

— Не понимаю. Я — русский.

— О, руссо! — вскричал он, и люди, собравшиеся на пляже, улыбаясь, затараторили:

— Руссо, руссо!

К нам подошёл ещё один человек.

— Я знаю по-русски, — сказал он с лёгким акцентом. — Я учился в Москве, в университете. Вы из Советского Союза?

— Да, — обрадованно кивнул я в ответ. — Мы прилетели вчера вечером. Будем выступать в цирке.

— Цирк? Вы из цирка? — улыбнулся он и перевёл мои слова столпившимся вокруг кубинцам; те тоже заулыбались и захлопали в ладоши. — Но как вы можете купаться в такой холод? Вы же заболаете.

— Холод? — удивлённо переспросил я. — Но ведь на улице очень тепло.

Он опять перевёл мои слова, и все вокруг засмеялись.

— У нас сейчас зима, — пояснил мой добровольный переводчик. — Мы считаем, что очень холодно, чтобы купаться.

Действительно, на календаре был январь. У нас на родине повсюду лежал снег, бушевали метели, стёкла расцвечивались морозными узорами. А здесь ярко светило солнце, зеленела трава, благоухали цветы. Какая же это зима?

Только прожив на острове несколько недель, я понял, что жители Кубы — народ очень теплолюбивый. Когда ртуть в термометре показывает ниже двадцати восьми — двадцати пяти градусов тепла, они считают, что наступили холода. Этот период продолжается с ноября по март. И хотя вода в море остаётся по-прежнему тёплой — никто не купается. Не удивительно, что наше поведение вызвало улыбки у людей, собравшихся на пляже. Но уже через несколько минут история с купанием была забыта. Кубинцы с восторгом рассматривали Стрелку и Паштета, спокойно лежавших на песке и не обращающих никакого внимания на толпу. Каждый норовил их погладить, особенно ребята, а те, у кого в кармане нашлось какое-нибудь лакомство, старались угостить своих партнёров. Сопровождаемые почётным эскортом, мы вернулись в гостиницу.

А вечером состоялось наше первое выступление в огромном, вмещающем восемнадцать тысяч человек, Дворце спорта. Стрелка







не подвела: она ловко залезала в чугун, лихо бросалась на меня. Восторгу зрителей не было предела, зал буквально взрывался аплодисментами. Утром кубинские газеты на видном месте напечатали сообщения о начале наших гастролей, многие из них опубликовали фотографии кошки. Скоро она стала любимицей всей Гаваны. Чтобы посмотреть на неё, люди приезжали даже из других городов страны. Часто кубинцы приходили за кулисы, расспрашивали меня о Стрелке, восхищались её умением работать на арене. Желанным гостем стал у нас и наш маленький дружок Эрнестито. На правах старого знакомого он запросто приходил ко мне в гримёрную, а однажды даже привёл с собой весь класс. Счастью ребят не было конца: они ласкали Стрелку и Паштета, угощали их лакомствами, даже напояли кокосовым молоком.

Два месяца мы выступали в столице Кубы. Я влюбился в этот город, полный тепла и света, дружелюбных улыбок и гостепри-



имства. Нам было здесь хорошо — среди друзей, которых у нас появилось множество. Но, к сожалению, и всякое хорошее подходит к концу. Пора было возвращаться домой.



Что ж, я мог считать, что наши гастролы прошли успешно. Стрелка понравилась кубинцам. Окрылённый успехом, я решил продолжать дрессировку кошек, задумал подготовить с ними несколько больших номеров. Вскоре в нашей дружной компании появились новички. Они были на удивление разные — беленькая Ромашка с жёлтым пятнышком на спинке; Дунька, прозванная так потому, что уморительно трясла головой, если ей подуешь в нос; кот Шнурок, обожавший развязывать шнурки на ботинках у приходивших к нам гостей; кот Пожарник, страшно не любивший, если кто-нибудь курил в его присутствии; кот Сокол, живший раньше в семье композитора и, наверное, поэтому умевший петь, и многие другие. Друзья мои — кошки, ласковые и сердитые, требующие огромного внимания, заботы и бесконечной доброты! Я учил их работать на манеже, учил самым разным трюкам и одновременно учился сам — терпению, справедливости, любви. Что у меня получилось, судить вам — зрителям. За это время были в нашей жизни забавные приключения, смешные и грустные истории, героями которых оказывались мои маленькие партнёры. Но это — темы уже других рассказов.









25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Для дошкольного возраста

Юрий Дмитриевич Кулачев

МОИ ДРУЗЬЯ — БОШКИ

Рассказы

ИБ № 5254



Рисунки В. Дувидова

Ответственный редактор Н. Д. Арош. Художественный редактор А. В. Савригина. Технический редактор Л. П. Котлякова. Корректор В. В. Баранова. Сдано в набор 09.02.81. Подписано в печать 03.09.81. Формат 60х90/8. Бум. «Б». № 1. Шрифт «Бизон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр. см. 18,00. Уч. изд. л. 3,03. Тираж 300 000 экз. Заказ № 525. Цена 25 коп. Отдел Трудного Красного Знамени издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Чернышевский пер., 1. Наказывающий орган Трудного Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Рязаньполиграфиздат Госкомиздата РСФСР. Наказывающий орган 30-летия Октября, 40.

© Издательство «Детская литература», 1981 г.

ИЗДАНИЕ 467 047 — 81  
М1010014

